

УДК 316.7

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-785-789

Цифровые топосы: локализация практик консолидации горожан

Кожемякин Е.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: kozhemyakin@bsu.edu.ru

Аннотация. Рассмотрены трансформации в практиках консолидации горожан в контексте развития мобильной цифровой коммуникации. Автор использует концепт «цифровой топос» для обозначения новых мест, в которых локализованы современные практики взаимодействия и консолидации жителей города. Группы в социальных сетях и групповые чаты в мессенджерах фактически становятся новыми топосами, включенными в сетевые механизмы формирования и поддержки городских идентичностей, а также принятия решений в локальных сообществах. Автор приходит к выводу, что локализация сообществ происходит сегодня не столько по функционально-пространственному, сколько по коммуникационному принципу.

Ключевые слова: консолидация горожан, цифровой топос, мессенджеры, мобильная коммуникация, цифровая коммуникация, практики взаимодействия.

Для цитирования: Кожемякин Е.А. 2021. Цифровые топосы: локализация практик консолидации горожан. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46(4): 785–789. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-785-789

Digital Topoi: Localizing the Consolidation Practices of Citizens

Evgeny A. Kozhemyakin

Belgorod National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
e-mail: kozhemyakin@bsu.edu.ru

Annotation. The paper discusses the transforming practices of citizens' consolidation in terms of mobile digital communication. Participating in informational interaction with means of messengers, even with goals of phatic communication, is the crucial practice of consolidation of citizens in the XXI century. The author implies the conception of "digital topos" to indicate the new "places" where contemporary interaction practices and consolidations are localized. Nowadays, the localization of communities bases on rather communicational than functional and spatial principle. Moreover, the physical presence of individuals at a location and functional participation in activities does not guarantee the position of an active participant of group processes and consolidating involvement. The social media groups and collective chats in messengers are the emerging topoi integrated into the net mechanisms of constructing and supporting the citizens' identities and making decisions. The paper concludes that the localization of communities is based rather on communicational than functional and spatial principle.

Key words: consolidation of citizens, digital topos, messengers, mobile communication, digital communication, interactional practices.

For citation: Kozhemyakin E.A. 2021. Digital Topoi: Localizing the Consolidation Practices of Citizens. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 46(4): 785–789 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-785-789

Концепция общества как коммуникации [Луман, 1995] получает особое подтверждение и развитие в условиях экспансии мобильной цифровой коммуникации и её возрастающей роли в практиках консолидации и идентификации горожан. Общество как коммуникация основано на взаимообращении трех ключевых элементов – информации, сообщении и понимании, правила которых устанавливаются внутри системы. Применительно к коммуникативным исследованиям города, городского пространства и практик взаимодействия горожан плодотворной представляется идея Лумана о коммуникациях (а не индивидах) как элементарных единицах общества.

В этом смысле город представляет собой сложную систему коммуникации, включающую в себя множество кластеров, единство и условная/относительная автономность которых определяется их способностью описывать себя в системе некоторых параметров (профессий, местоположения, функциональных пространственных зон и т.п.) и дифференцировать себя как целое по отношению к гетерогенному внешнему окружению. Жители города по определению вовлечены в различные городские коммуникационные кластеры, которые, как правило, локализованы по пространственному признаку: месту проживания, месту работы, месту учебы, месту регулярных покупок, месту прогулок и т.п. В традиционной (доцифровой/нецифровой) модели городской коммуникации эти локации выступают в качестве своего рода идентификационного триггера микросообществ, топоса городских идентичностей (см., например, [Байжанова, 2020; Николаева, Троицкая, 2020; Сорокина, Петрулевич, 2020; Мирошниченко, Морозова, 2017; Туркина 2019]). Традиционная консолидация горожан происходила всегда преимущественно относительно подобных локаций/зон. Взаимодействие предполагало пространственное нахождение группы людей в определенном пространстве, маркированном функционально. При этом понятие пространства в работах авторов часто используется расширительно, не будучи редуцированным исключительно к физическим/ географическим локациям. Как пишет В.Г. Туркина, «применительно к городу следует ввести многоуровневые смыслы понятия "пространства". Это и физическое, и географическое, и топологическое, и социальное, и культурное пространства. Если говорить о пространстве города, то уместно вспомнить и об аристотелевском понимании пространства как места и вместилища разнообразных объектов, и о пространстве как порядке существования всего данного или являемого в чувственном восприятии (Лейбниц), и о пространстве как насквозь организованной реальности со своей собственной системой координат...» [Туркина, 2009, с. 73]. Очевидно, что городские пространства приобретают ещё менее физически размерный и более нетривиальный характер в условиях цифровизации коммуникативных практик.

Уточним, что речь идет не только, а сегодня и не столько о местах локализации самих технологий (хотя и они существенно влияют на тип и характер коммуникации и консолидации горожан), сколько о появлении нового вида топоса – цифрового, то есть существующего не в физической/географической реальности, а в пространстве дигитально, технически опосредованной коммуникации. Индивиды могут находиться и находятся не только в геолокации города, но и в «ненаблюдаемых» коммуникационных зонах – чатах, беседах и группах социальных сетей. Подчеркнём, что мы не склонны гиперболизировать виртуальный характер подобного рода топосов. Напротив, прагматика включения индивидов в цифровые топосы позволяет судить о скорее гиперреальном, а не виртуальном статусе подобных локаций.

Итак, цифровизация коммуникативных практик, экспансия средств мобильной цифровой коммуникации и использование их не столько как инструментов, расширяющих наши возможности, сколько как обязательных и неизбежных ресурсов коммуникации привели к девальвации физического пространства как точки консолидации. Для решения

текущих проблем индивиды повсеместно используют мессенджеры и другие средства мобильной коммуникации, позволяющие им создавать микрогруппы для взаимодействия.

Чаты и беседы в Viber, WhatsApp, FB Messenger позволяют оперативно и с высокой прагматической эффективностью участвовать в обсуждении проблем различным социальным агентам – сотрудникам структурных подразделений организаций, родителям одноклассников, жителям одного микрорайона, посетителям фитнес-клуба, клиентам агентств и компаний и т.д. Они фактически становятся цифровыми топосами, объединяющими индивидов в группы с присущими им атрибутами деятельности: в видеочатах проходят заседания университетской кафедры, в беседах – обсуждения производственных процессов в компании, в группе социального медиа – принятие жителями района решения о заключении договоров с управляющей компанией и т.п.

Участвовать в беседе и состоять в чате означает быть включенным в сообщество, а индивиды, номинально принадлежащие к той или иной группе, но не включенные в чаты её участников, фактически могут быть исключены из важных коммуникационных процессов – они являются менее осведомленными о положении дел и процессах, протекающих в группе, они могут не участвовать в некоторых коммуникативных практиках принятия решений, в символических процессах определения ситуаций и т.п. Иными словами, физическое нахождение в локации и функциональное участие в деятельности сообщества (профессионального, комьюнити жителей, родителей школьников и т.п.) уже не гарантирует статус активного участника групповых процессов и вовлеченности в процессы консолидации. И напротив, физическое «неприсутствие» не является теперь препятствием для консолидации членов группы, поскольку важным для нее является именно коммуникационная, а не физическая пространственная локализация индивидов. Для горожан цифровой эпохи важнее (в функциональном и институциональном аспектах) состоять в коммуникационном сообществе в формате чата в WhatsApp, нежели присутствовать в месте, ассоциируемом с деятельностью сообщества. Эти признаки цифровых коммуникационных площадок в сочетании с их технологическими параметрами (возможность хранения информации, мультимодальный характер сообщений, сиюминутность и simultанность, доступность и управляемость) делают их социальными локациями нового порядка, в которых решаются традиционные задачи социальной деятельности с помощью новых коммуникационных ресурсов.

Эти ресурсы в известной степени меняют онтологию и прагматику социального взаимодействия.

Во-первых, в цифровых топосах консолидация индивидов происходит при условии не телесного, физического присутствия, а коммуникативного участия. Это означает, что консолидирующие практики предполагают больший (по сравнению с доцифровым/нецифровым форматом взаимодействия) уровень кодификации. В условиях цифровизации социальной жизни «просто присутствовать» или «находиться здесь» не достаточно для взаимодействия и идентичности; необходимо коммуницировать, а значит – быть включенным в практики кодификации/семиозиса в гораздо большей степени, чем в случае с «некодифицированной телесностью».

Во-вторых, цифровые топосы предполагают трансформацию темпоральных параметров коммуникации: взаимодействие в чатах и беседах предполагает быстрый, но дискретный характер коммуникации, а значит требует от участников оперативного реагирования на сообщения, причем нарушение этого ожидания может повлечь исключение коммуниканта из важных для сообщества процессов и решений. Это обстоятельство, по всей видимости, указывает на изменение одного из базовых принципов коммуникационной кооперации – равного участия в принятии решений. Темпоральный порядок «цифровых то-

посов» предполагает, что если в момент обсуждения кто-то из участников не принял участия в дискуссии (не передал сообщение или не отреагировал на сообщения других), то некоторое время спустя он уже не сможет воспользоваться этим правом или его использование окажется абсолютно не эффективным.

В то же время цифровые топосы, консолидирующие индивидов, обладают преимущественно традиционным инструментарием поддержки локальной идентичности: они используют особый лексикод, характерный для сообщества, символы идентичности (включая, например, локальные мемы, шутки и образы), локализованный контент (темы коммуникации и информацию, понятные и близкие участникам сообщества), практики включения в группу и исключения из неё – все эти инструменты характерны и для доцифровых/нецифровых городских сообществ и направлены на повышение вовлеченности индивидов в сообщество и поддержку локальной идентичности.

Итак, активное включение горожан в практики цифровой мобильной коммуникации приводят к появлению новых «мест сборки» сообществ – цифровых топосов, консолидирующих индивидов на основании не столько участия в деятельности и пространственной локализации, сколько участия в коммуникации. Участвовать в информационном взаимодействии с помощью мессенджеров, состоять в коммуникативной группе, участвовать в коммуникации – даже фатической – это является для горожан XXI века существенными практиками консолидации, а локализация сообществ происходит сегодня не столько по функционально-пространственному, сколько по коммуникационному принципу.

Список литературы

1. Байжанова Г. А. 2020. Пространственная самоорганизация населения крупных городов: социокультурный аспект. *Universum: общественные науки*, 3 (63): 4–6. URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/9184> (дата обращения: 4.01.2021).
2. Луман Н. 1995. Что такое коммуникация? *Социологический журнал*, 3: 114–124.
3. Мирошниченко И.В. Морозова Е.В. 2017. Сетевые механизмы формирования идентичностей. *Государство и граждане в электронной среде*, 1: 216–228. DOI: 10.17586/2541-979X-2017-1-216-228
4. Николаева Ж.В. Троицкая А.А. 2020. Дискурс об идентичности как способ осмысления городского пространства. *Журнал Фронтирных Исследований*, 5 (1(17)): 11–28.
5. Сорокина Т.Е., Петрулевич И.А. 2020. Семиозис концептуальной оппозиции «свой – чужой» в культурном коде города. *Гуманитарные и социально-экономические науки*, 6 (115): 27–31. DOI: 10.18522/1997-2377-2020-115-6-27-31
6. Туркина В.Г. 2009. Город как «топос». *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 2 (57): 73–79.

References

1. Bayzhanova G.A. 2020. Spatial self-organization of the population of large cities: socio-cultural aspect. *Universum: obshchestvennye nauki*, 3(63): 4–6 (in Russian). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/9184> (дата обращения: 4.01.2021).
2. Luhmann N. 1995. Chto takoe kommunikatsiya? [What is communication?]. *Sociological Research*, 3: 114–124.
3. Miroshnichenko I. V. Morozova E.V. 2017. Setevye mekhanizmy formirovaniya identichnostei. [Network mechanisms of identity formation]. *Gosudarstvo i grazhdane v ehlektronnoi srede*, 1: 216–228.
4. Nikolaeva Zh.V. Troitskaya A.A. 2020. Discourse on Identity As a Way of Understanding Urban space. *Journal of Frontier Studies*, 5 (1(17)): 11–28 (in Russian).

5. Sorokina T., Petrulevich I. 2020. Semiosis of the Conceptual Opposition "Friend – Foe" in the Cultural Code of the City. *Gumanitarnye i sotsial'no-ehkonomicheskie nauki*, 6 (115): 27–31 (in Russian). DOI: 10.18522/1997-2377-2020-115-6-27-31

6. Turkina V.G. 2009. The city as a “topos”. *Belgorod State University Scientific bulletin. Scientific bulletin Philosophy Sociology Law*, 2(57): 73–79 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кожемякин Евгений Александрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny A. Kozhemyakin, doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Communication Studies, Advertising and Public Relations of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia